

ЕЩЕ БЫЛИНЫ И ПѢСНИ

изъ Заонежья.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ К. М. Петровъ, инспекторъ народныхъ училищъ въ Вытегорскомъ, Пудожскомъ и Каргопольскомъ уѣздахъ Олонецкой губерніи, напечаталъ въ *Олонецкихъ губернскихъ вѣдомостяхъ* (1875 г., N 81) замѣтку о встрѣчѣ своей съ двумя сказителями былинъ, которые не были извѣстны прежнимъ собирателямъ, трудившимся въ Заонежьи. Замѣтка эта, въ свою очередь, подала мнѣ поводъ написать небольшую статью о собирательной дѣятельности г. Петрова (*Древн. и Нов. Россія* 1876 г., N 6), а статейка моя доставила мнѣ случай познакомиться лично съ г. Петровымъ въ одинъ изъ прѣздовъ его въ С.-Петербургъ.

При этомъ г. Петровъ сообщалъ мнѣ между прочимъ о своемъ намѣреніи организовать собраніе памятниконъ народнаго творчества въ Олонецкой губерніи при помощи народныхъ учителей. Впоследствии г. Петровъ дѣйствительно обращался съ просьбой о томъ къ учителямъ въ тѣхъ трехъ уѣздахъ, гдѣ состоялъ инспекторомъ народныхъ школъ, и съ подобнымъ же приглашеніемъ отнесся къ народнымъ учителямъ двухъ другихъ уѣздовъ Олонецкой губерніи Н. Е. Артемовъ, инспекторъ школъ въ уѣздахъ Лодейнополюскомъ и Олонецкомъ. Вызовъ этотъ оказался не безуспѣшнымъ: г. Петровъ получилъ довольно много нѣсенъ, преимущественно бесѣдныхъ и хоровадныхъ, загадокъ, пословицъ, заговоровъ, преданій и сказокъ. Было также доставлено и нѣсколько былинъ и историческихъ нѣсенъ. Сички тѣхъ и другихъ г. Петровъ обязательно пре-

проводить въ мое распоряженіе и выразить готовность сообщить въ Географическое Общество все этнографическія матеріалы, какіе ему удастся собрать въ Олонецкой губерніи. Къ сожалѣнію, мнѣ ничего не извѣстно о дальнѣйшемъ ходѣ предпріятія г. Петрова. Но присланные имъ тексты сохранились у меня. Изданіе ихъ мнѣ кажется далеко не излишнимъ, почему и препровождаю ихъ въ распоряженіе *Русскаго Филологическаго Вѣстника*. Тексты эти записаны не особенно искусно—безъ точнаго соблюденія мѣстнаго говора и, можетъ быть, съ нарушеніемъ, мѣстами, размѣра стиховъ. Но не смотря на то, предлагаемые тексты представляютъ несомнѣнный интересъ для изучающихъ народную словесность.

Препровождал мнѣ эти тексты, г. Петровъ присоединилъ къ нимъ слѣдующую замѣтку: „Былина про Добрыню и Мариинку хотя записана у А. О. Гильфердинга, но проиѣтая Савиной дополняетъ ее въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и доказываетъ, что былина не пропала, а живетъ въ своей цѣлости. „Осада Пскова“ хотя и съ апахронизмами, но интересна; до сихъ поръ никто еще не записалъ ее въ нашей губерніи. Былина про бой витязей проиѣта безъ раздѣленія, но ясно, что здѣсь между частями есть какой-то пропускъ; иначе былина распадается на двѣ. Историческія пѣсни про Платова я слышалъ нѣсколько разъ, и представляемыя очень поспорчены. Преданіе о Гусѣ весьма напоминаетъ обстоятельства изъ жизни Рахты Рагнозерскаго, что записалъ я въ Пудоожскомъ уѣздѣ“.

Преданіе о Рахтѣ сообщено было г. Петровымъ въ упомянутой выше замѣткѣ его въ *Олонецкихъ Губ. Вѣдомостяхъ* и разобрано мною въ статейкѣ, помѣщенной въ *Древней и Новой Россіи*.

Л. Майковъ.

3 Января 1885 г.

Добрыня и Маринка.

Ходилъ — гулялъ Добрынюшка по городу,
 Ходилъ — гулялъ Микитицъ по Кіеву.
 Добрынюшкѣ-то матушка каказывала:
 Не ходи-ко ты во улоцку возвратную,
 Во тѣ ли переулоцки Маринкины,
 Тамъ живеть курва Маринушка Пгнатъевна;
 Она зеленщица да и отравщица;
 Она много отравила добрыхъ молодецвъ,
 Она сильныхъ, могучихъ богатыревъ.
 Ходилъ Добрынюшка по Кіеву
 И зашелъ во улоцку возвратную,
 Во тѣ ли переулоцки Маринкины.
 Тамъ увидѣла Маринушка Пгнатъевна,
 Вынушала голубка да со голубкою.
 Тутъ увидѣлъ Добрынюшка Микитицъ младъ,
 Свой тугой онъ лукъ натягиваетъ,
 Каленую-то стрѣлоцку накладываетъ,
 Самъ да ко стрѣлы да приговариваетъ:
 Ты убей да голубка да со голубкою.
 Да не убилъ голубка да со голубкою,
 Убило у Маринушки околенику,
 Да убило у Маринки дружка милого,
 Дружка милого — Идолница поганого,
 Поганого да не крещенаго.
 Еще тутъ молодецъ да пораздумалъ:
 Не честь слава да молодецкая,
 Да не выслуга да богатырская,
 Да не пропасть-то моей да каленой стрѣлы,
 Да у той ли у Маринки Пгнатъевны.
 Заходитъ Добрыня во высокъ теремъ,
 Крестъ онъ кладетъ да пописаному,
 Да поклопъ-то ведетъ да по ученому,
 На всѣ стороны Добрыня покланяется.
 Да вставала тутъ Маринушка на ноги,
 Да Добрыни-то Маринка низко кланялась,
 А Добрынюшка Маринушки челомъ не бьетъ.

Бралъ то Добрынюшка калену стрѣлу,
Пошелъ то Добрынюшка вонъ изъ терема.
Еще въ ту пору Маришы за бѣду пришло,
За досадушку ей за великую.
Вставала тутъ Маринушка на поги,
Брала она два ножичка булатные,
Добрынины-то слѣдочки подрѣзывала,
Клала она въ печь на дрова на дубовыя,
Сама да ко слѣдочкамъ приговаривала:
— „Шайте и пойте Добрынюшкины слѣдочки,
— „Чтобы нояло у Добрынюшки сердце,
— „По мнѣ ли по Маришы по Игнатъевны“.
Приходить да Добрыня къ родной матушки.
Говорила тутъ Добрыни родна матушка:
„Что ходило мое дитяtko дохóдило,
„И гуляло мое милое догуляло?“
Вѣдь не можетъ Добрынюшка не пить, не ѣсть,
И не можетъ вѣдь Добрыня темной почки спать.
И встаетъ-то Добрынюшка поутру ранешенько,
Умывается Добрынюшка бѣлешенько,
Снаряжается Добрынюшка хорошохошенько,
И походить-то ко ранней ко заутреньки.
И выходитъ-то Добрынюшка на улюцку,
Стоячись да тутъ Добрыня пораздумался:
„Да что мнѣ дѣлать у церкви у соборныя,
„У той ли у заутреньки у рашня?
„Пойду лучше къ Маришки ко Игнатъевны.
И заходить-то Добрыня во высокъ теремъ,
И крестъ онъ кладетъ да пописаному,
Поклоны то ведетъ да поученому,
На всѣ стороны Добрыня покланяется;
Добрынюшка Маришки низко кланяется.
Маринушка Добрынюшки челомъ не бьетъ.
Говорила тутъ Маринушка Добрынюшки:
— „Вчерась-то какъ ты былъ, то не то творилъ,
„А сегодня-то ты да во моихъ рукахъ,
„Во моихъ рукахъ и подь моей грозой.
„Возьмешь ли ты, Добрыня, за себя за-мужъ?“
Говорилъ вѣдь тутъ Добрынюшка Маринушки:
„Не подобаетъ мнѣ-ка взять дѣвка невѣрная,
„Невѣрная да некрещеная“.
Говорила тутъ Маринушка Добрынюшки:
— „Обверну тебя жабой подземельною,

„Которой жабы отвороту нѣтъ.

„Ты возьмешь ли Добрыня за себя замужъ?“

„Не подобаетъ мнѣ-ка взять дѣвка невѣрная,

„Невѣрная да некрещеная“.

— „Обверну я тебя, Добрынюшка, борзымъ кобелемъ,

„Спущу я по городу по Кіеву,

„Сберать тебя кусочковъ подстольныхихъ“.

Ходиль-то тамъ Добрыня ровно суроцки,

И приходитъ ко Маринки ко Игнатьевны.

— „Находился ли Добрынюшка по городу по Кіеву,

„И наѣлся ли кусочковъ подстольныхихъ?“

„Возьмешь ли теперь да за себя замужъ?“

„Не подобаетъ мнѣ-ка взять дѣвка невѣрная,

„Невѣрная да некрещеная“.

— „Обверну Добрынюшку гнѣдымъ туромъ,

„Всечиной-то тура да изукрашу я,

„Одна щетинка золота, друга серебрянна,

„Носъ да бока да рыту бархату,

„Я спущу тебя, Добрыня, во чисто поле,

„Поѣшь-ко ты, Добрынюшка, ковыль травы

„И поней-ко ты, Добрынюшка, водушки болотніи“.

У того ли было князя у Владиміра,

Сдѣлался у него да почестный пиръ.

Да всѣ ли на честномъ да паѣдался,

Да всѣ ли на пиру да порасхвастались!

Кто вѣдь хвасталъ добрымъ конемъ,

Ново́й хвасталъ молодой жепой.

Похвастала Маринушка Игнатьевна:

— Ужъ какъ есть у меня, да во чистомъ полѣ

— Девѣтъ туровъ да дѣветъ гнѣдыхъ,

— Десятой-сть туръ ошъ хорошъ — красивъ,

— Одна шерстинка золота, друга серебрянна,

— Носъ да бока рыту бархату,

— Рожка-те у тура позолоченые.

Вставала Катерина Микитица на поги

И брала она Маринку рукой за воротъ,

А другой била по бѣлу лицу:

„Ужъ ты вѣдьма ты, Маринушка Игнатьевна!

„Какъ не отвернешь моего братцаго милаго

Добрынюшки Микитица,

„Обверну тебя саму жабой подземельною,

„Которой жабы отвороту нѣтъ“.

И обвернулася Маринушка сорокою,

И полетѣла-то Маринка во чисто поле,
И садплася она Добрыни на золотой рожокъ.
Говорила тутъ Мариношка Добрынюшки:
— Ты возьмешь ли теперь да за себя замужь?
„Отверни ты этихъ всѣхъ добрыхъ молодецвъ,
„Сильныхъ могучихъ богатыревъ, —
„И въ тупорь-то тогда тебя въ замужь возьму“.
Приходитъ тутъ Добрынюшка къ матушки,
И рассказываетъ Добрынюшка тутъ матушки,
Что далъ заповѣдъ великую взять Мариношу
Игнатьевну.

Тутъ-то они да обручался,
Тутъ-то они да обвѣнчался.
Приходитъ-то Добрыня съ молодой женой.
„Слуги мои да слуги вѣрные,
„Ужь вы дайте-ко мнѣ чару оправшую,
„Чтобъ мнѣ поправиться съ Маринкой съ Игнатьевной“.
И слуги у него были догадливые,
Дали-то ему да саблю вострую.
Срубилъ то Добрыня у Марины буйну голову
И клалъ да на дрѣва дубовыя,
И пенель разсіялъ по чисту полю.
Тутъ встаетъ то Добрынюшка ранешенько,
Умывается Добрынюшка бѣле енько,
И снаряжается Добрыня хороо охонько,
И приходитъ-то Добрыня ко ранней ко заутрешки.
Тутъ-то его встрѣчаютъ, тутъ-то поздравляютъ:
„Здравствуй ты Добрынюшка Микитиць младъ!
„Поздравляемъ мы тебя да съ молодой женой,
„Со своей да со княгиней со обручною,
„Да со той ли со Мариной со Игнатьевной“.
Говорилъ вѣдъ тутъ Добрынюшка Микитиць младъ:
„Ужь вы други мои да вы пріатели!
„Всякой-то на семь да свѣтѣ женится,
„Да не всякому женитьба удавается,
„Вчерась-то я такъ подъ вѣнцомъ стоялъ,
„Сегодня-то я ужъ вдовой хожу“.

Записалъ учитель Мошинскаго сельскаго училища Александръ Громовъ съ голоса дѣвицы Оеклы Степановны Савиной. Былина эта буквально та же, что записана въ Мошѣ отъ Малыгина А. О. Гильфердингомъ (Онежскія былины N 216, стр. 1326); но въ предлагаемомъ спискѣ она почти въ иѣкоторыхъ мѣстахъ и украшеніяхъ. Савина переняла ее почти чѣмъ Малыгинъ.

Осада Пскова.

Степанъ, Степанъ, земли Полоцкой,
Собака царя Крымскаго!
Набѣляется собака на три города:
На первой на городъ, на Полоцкой градъ,
На другой на городъ, на Великіе Луга,
На третій на городъ, на Обской градъ.
Енъ Великіе Луга проходомъ шель,
Подъ Обской градъ посла послалъ,—
Самолучнаго поганаго татарина.
Приходилъ енъ ко той ко стѣнѣ городовыя,
Онъ и крѣпко кричалъ зычнымъ голосомъ,
Что и всѣ во городѣ услышали:
Вси Нѣмци, Французы примудрые,
И тѣ же воеводы Московскіе,
И отвицяютъ воеводы Московскіе:
Что не даемъ мы вамъ граду безъ бою,
И безъ бою, безъ драки великія,
Безъ того кровопролитія не малыя;
Уповаемъ на Пресвятую Богородицу,
Не дастъ вамъ собакамъ на поруганье!
Тутъ сидятъ три милые братцы названные:
Михайло Сколицъ сынъ Васильевъ князь,
Борисъ Петровичъ Шереметевъ князь,
Микита Вольхонской Романовичъ князь.
Тутъ собака и поворотъ держалъ на Чуренгу рѣку,
Къ Степану королю, къ самолучшему татарину.
И вышимаеть онъ съ главы колпака земли греческой,
И поклоняется собакѣ до сырой земли:
— „Ужь ты, ахъ же ты, батюшко, Степанъ король!
Ходилъ я подъ Обской градъ,
Ко той ко стѣнѣ пришелъ городовыя;
Я и крѣпко кричалъ зычнымъ голосомъ,
Что и всѣ во городѣ услышали,
Вси Нѣмци, Французы премудрые
И тѣ же воеводы Московскіе.
Отвицяютъ воеводы Московскіе:
„Не даемъ мы вамъ городу безъ бою,
„Безъ бою, безъ драки великія,
„Безъ того кровопролитія не малаго:
„Уповаемъ на Пресвятую Богородицу;
„Не дастъ вамъ собакамъ на поруганье.“

„Тутъ сидятъ три милые брателка названые:
„Михайло Скопшиъ сынъ Васильевичъ князь,
„Борисъ Петровичъ Шереметевъ князь,
„Микита Вольхонской Романовичъ князь.
„Тутъ я и поворотъ держалъ“.
Степану королю да запреку пришло,
Да за тую досаду сердечную,
За тую рану кровавую.
Заправляя онъ пушечки свои боевыя,
О двѣнадцати ядеришкахъ свинцевыхъ;
Набералъ собака силы по три тмы и по три тысячи,
И поѣхалъ собака на Обской градъ,
Становился собака за три поприща
До самой матери Пресвятой Богородици.
И наводитъ собака по семи золотымъ маговичамъ.
Обвернулося ядеришко свинцевое,
А Степану королю въ груди черныя.
Вся сила поганая ослѣпнула,
И стала она промежь собой спчь и спчь,
Не осталось силы и на семена.

Записалъ учитель Сойдинскаго училища Константинъ Маклюновъ отъ крестьянина деревни Сойды (Вытегорскаго уѣзда) Дементія Тимооосева. У П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга нѣтъ былинь объ осадѣ Пскова.

Отчего богатыри перевелись на святой Руси?

Собираюсе на поле Бонканово триста богатырей;
Еиѣ (они) думали думу крѣпкую,
Крѣпкую думу за единую:
„Кабы было кольцо кругомъ всей земли,
„Кругомъ всей земли, кругомъ всей орды,
„Мы всю землю святорусскую внизъ повернули,
„Самого бы царя въ полонъ взяли;
„Кабы была на небо лпщница,—
„Мы бы выстали на небо,
„Всю небесную силу присѣкли,
„Самого бы Христа въ полонъ взяли“.
Услышалъ Христось рпць похвальную,
Похвальную, супротивную,—
Спустилъ съ небесъ поляницу удаую.
Прибила поляница всѣхъ спльныхъ могучихъ богатырей,

Оставила только три русскаго могучаго богатыря:
 Перваго богатыря Добрынюшку,
 Другаго Олешеньку,
 Третьяго Илью Муромца.
 Они со той со страсти--со ужаси
 Уѣзжали на поле Боканово,
 И разставили шатры бѣлополотныя,
 Они спали три дни и три ночи,
 Не пиваючи и не ѣдаючи.

Какъ бы продолженіе этой былинѣ идетъ

былина про Добрыню и Илью Муромца.

Добрынюшкѣ въ шатерушкѣ не заспалось.
 Выходитъ Добрынюшка на улицу,
 Поглянулъ во всѣ четыре стороны.
 Поглянулъ въ подвосточную сторону:
 Что не туча идетъ передъ дождичкомъ,
 Не громъ загремѣлъ передъ молоньей,—
 Идетъ удалый добрый молодецъ,
 Подъ имъ былъ конь, какъ лютой звирь;
 Самъ на конѣ сидитъ какъ упалъ въ добрѣ,
 Очи его какъ у яснаго сокола,
 И румянецъ въ лицѣ какъ у алаго;
 У коня изъ ушей и ноздрей искры сыплются.
 И идетъ онъ мимо эти бѣлы шатры,
 Самъ говоритъ таково слово:
 „Есть ли у этихъ у бѣлыхъ шатровъ
 „Со мной поединщикекъ и супротивщикекъ?“
 Тутъ Добрынюшкѣ за иреку пришло,
 За тую досаду сердечную,
 За тую рану кровавую.
 Онъ скоро сѣдлалъ, уздалъ своего добра коня,
 Поскорѣе того на коня скакалъ,
 Настигъ его* у рѣки Смородины.
 Загаркалъ то ѣнъ по звѣриному,
 Засвисталъ то ѣнъ по соловьиному.
 Подъ нимъ конь не шарашится,
 А самъ на конѣ не оглянется.
 Оглянулся удалый добрый молодецъ,
 Загаркалъ то ѣнъ по звѣриному,
 И засвисталъ то ѣнъ по соловьиному;
 Тутъ подъ Добрыней конь на колѣника палъ.

Тутъ Добрыня и поворотъ держалъ,
Ко своимъ ко бѣлымъ шатрамъ.
На ту пору выходитъ Плья Муромецъ на улицу.
И самъ говоритъ таково слово:

— Далече ли ты издиль, Добрыня, куды путь держалъ?—

„Ужъ ты, ахъ же ты дядюшка, Плья Муромецъ, сынъ
Ивановицъ!

„Миѣ поцесь въ шатерушку не заспалось,
„Выходилъ я на улицу, поглянулъ во всѣ четыре стороны.

„Поглянулъ въ подвосточную сторону:

„И и не туча идетъ передъ дождицкомъ,

„Не громъ загремѣлъ передъ молоньей,

„И идетъ удалый добрый молодецъ.

„Подъ нимъ былъ конь какъ лютой звпръ,

„И самъ сидитъ на конѣ какъ упалъ въ добрѣ,

„И очи его какъ у яснаго сокола,

„И румянецъ въ лицѣ какъ у алаго.

„У коня изъ ушей и ноздрей искры сыплются,

„Изъ рта у него полымя машеть.

„И идетъ мимо еври бѣлы шатры,

„И самъ говоритъ таково слово:

— Есть ли у этихъ у бѣлыхъ шатровъ

— Со мной поединщицекъ и супротивникъ?—

„Тутъ Добрынюшкѣ за преку пришло,

„За тую досаду сердечную,

„За тую рану кровавую.

„Я и скоро сѣдалъ уздалъ коня,

„Поскорѣ того на коня скакалъ.

„И настигъ я его у рѣки у Смородины.

„И загаркалъ то я по звѣриному,

„И засвисталъ то я по соловьиному.

„Подъ нимъ конь не шарашится,

„И самъ ѣпъ на конѣ не оглянется.

„Оглянулся удалый добрый молодецъ,

„Загаркалъ то ѣпъ по звѣриному,

„И засвисталъ то ѣпъ по соловьиному,

„Подо мной конь на колѣнка палъ,

„Я на конѣ цють живъ сидѣлъ“.

Плью Муромцу тутъ за преку пришло,

За тую досаду сердечную,

За тую рану кровавую.

И скоро съдлалъ, уздалъ добра кони,
И о двѣнадцати подпружинкахъ подируживалъ,
А тринадцатый клалъ подъ широку грудь,
А четырнадцатой клалъ наф(хв)остницеюъ.
Бралъ онъ палицу во сто пудовъ,
Береть онъ коньцо булатное,
Вострой ножъ беретъ съ чинжалищемъ,
И только видѣли молодца на конѣ сядючи,
И не видѣли его поѣдучи.
Конь озера и рѣки перескакивалъ,
Темные лѣса между ногъ пустилъ,
И настигъ его на полѣ Бонкановѣ.
И приѣзжаетъ Шля Муромецъ ближе того;
И загаркаль-то ёнъ по звѣршному,
И засвисталъ-то ёнъ по соловьиному.
Подъ нимъ конь не шарашитьсе,
И самъ на конѣ не огляпетъсе.
Оглянулся удалый добрый молодець,
Загаркаль-то ёнъ по звѣршному,
Подъ Шлей Муромцемъ конь на колѣника палъ.
И бьетъ Шля Муромецъ своего добра коня по тучнымъ
бедрямъ:

— Ужъ ты волчья сыть, травяной мѣшокъ!
— Видно часеш надо мпой невзгодушку.
Конь и вскочилъ и близко подѣзжаетъ къ богатырю;
И ударилъ его палицей желѣзною по главѣ:
У его старпки колпаки не страхнулисе,
И желты кудри на главѣ не сполстилисе.
И самъ говоритъ таково слово:
„Яже на святой Руси комарикн,
„Больнѣ комарикн кусаютсе“.
И завели ёни битъсе палицми желѣзными,
У ихъ палицы приломалисе;
И завели ёни въ копыицы булатнп, —
У ихъ копя приломалисе;
И завели ёни битъся въ рукопашный бой,
И перебилъ Шлю Муромца и наверхъ его.
Шлю Муромцу смерть была написана:
Свернулсе и наверхъ его.
И выдергиваетъ Шля Муромецъ ножъ съ чинжалищемъ,
И сдымаетъ ножъ выше головы.
— Скажись, молодець, не утай меня,
— Не утай меня и не съѣшь себя, —

— Которой земли и которой орды,
— Котораго (?) и которой матерп?—
„Ужь ты, старая собака, воръ сѣдатой волкъ!
„Кабы былъ па твоихъ грудяхъ черныихъ,
„Порокъ бы твои груди черныи,
„Ричистой языкъ бралъ бы съ теменемъ,
„Отсѣкъ бы твою буйную голову,
„Кабы на тебѣ сидѣлъ, — бросалъ бы о сыру землю ¹⁾
„Не могъ я отъ тебя отперитисе,
„Отперитисе и отказатися.
„Есть я *Кузьма Семерцяниновъ* богатырь“.
Онъ и скоро скакалъ со бѣлыхъ грудей,
И бралъ его за ручки за бѣлыя,
И цѣловалъ въ уста сахарныя,
И назвалъ любезнымъ племянникомъ.
Тутъ ещѣ съ племянникомъ погостилисе,
Тутъ ещѣ и распростялисе;
Одинъ въ сторону поѣхалъ,
А другой въ другую.
Илья Муромецъ и разоставилъ шатерь бѣло-полотня-

нень,

И зауснулъ ещѣ богатырскимъ сномъ.
И разгорѣлось у племянника сердце богатырское,
Пріѣзжаетъ ень ко бѣлу шатру,
И ткнулъ Илью Муромца ножемъ въ груди бѣлыя.
Илью Муромцу смерть была не писана:
На груди у его угодилсе крестъ.
Онъ скоро-скакалъ съ богатырска сна,
И бралъ племянника за руцки за бѣлыя,
И бросалъ племянника о сырую землю;
Выкопалъ у племянника глаза и посадилъ на добра коня.
— Повози, добра лошадь, куды знаешь его! —

Записалъ учитель Сойдинскаго училища Константинъ Маклюновъ отъ крестьянина дер. Сойды Дементія Тимоосова.

Взятіе Ревеля.

Не бѣлы снѣги во городѣ забѣлѣлп,—
Забѣлѣли бѣлокаменны палаты.
Стоять палатушки грановиты;

¹⁾ Эти шесть стиховъ пѣвецъ пропѣлъ трижды.

Во палатушкахъ стоять столики дубовые,
А на столикахъ разостланы скатерки шелковые;
Сношены напитокки медовые.
У столика стоять два стулочка кленовые.
А на стулочкѣ сидитъ наша матушка
Швецкая различная королевушка.
Вз передъ ней-то стоять два молодые генерала,
Млады, сами плачутъ:
„Ужъ ты, матушка, различная королева,
„Что же ты не пинешь своему батюшкѣ
„Скорыхъ писемъ.
„Что прислалъ, то прислалъ
„Нашъ батюшко швецкой король
„Силы сорокъ тысячъ.
„Не успѣла наша матушка,
Различная королева, молвить, —
Какъ нашъ бѣлый царь
По городу разѣзжаетъ.
Барабанщики въ барабаны бьютъ,
Городъ взяли.
Какъ по старому названью
Колыванъ городъ,
По нашему названью
Городъ Ревель.

Записалъ учитель Рѣчно-Георгіевскаго училища (Каргопольскаго уѣзда) Михаилъ Реговъ со словъ крестьянина Евдокима Бородина.

Графъ Румянцевъ.

Ужъ ты поле, поле чистое,
Широкое поле Можайское!
Ужъ какъ тебя будетъ поле пройти
Широкимъ путемъ дорожкой.
Какъ на честной-то было на пятницу,
Во турецкой славной области
Зачинался славный праздничекъ.
На турецкій славный праздничекъ
Злые турки соѣзжались,
Сладкой водки напивались,
Что самъ собой похвалялися:
„Всю Россіюшку наскрозь пройдемъ,

„Ужъ мы графа-то Румянцева
„Во полонъ возьмемъ (2)
„Во походъ пойдемъ“.
Какъ возговоритъ Румянцевъ графъ:
„Вы служивые солдатушки!
„Сослужите вѣрой правдою,
„Что за вѣру христіанскую,
„Самому царю особенно“.

Записалъ онъ же Реговъ отъ того же крестьянина Евдокима Бородина.

Платовъ казань.

Мать Россія, ты Россія,	„Разкажи всю правду мнѣ (2)
Мать Россійская земля!	„Кто начальникомъ въ Москвѣ?
Ай люли, ай люли,	„Во Москвѣ то я бывалъ,
Мать Россійская земля.	„Генераловъ всѣхъ знавалъ,
Про тебя ли, мать—Россія,	„Генераловъ и господь,
Хороша слава прошла (2).	„Всѣхъ почтеннѣйшихъ купцовъ;
Какъ про бѣлаго царя (2)	„Одного только не знаю,
Про Платова казака.—	„Какъ Платова казака.
У Платова казака,	„Я несчетну казну далъ,
Небретая борода (2),	„Кто Платова показалъ“.
Не стрижены волоса.	Платовъ-то отвѣчаетъ:
Платовъ законъ перемѣнилъ,	— „На что казну терять, (2)
Себѣ бороду обрилъ (2),	— „Можно такъ его видать.
Волоса себѣ остригъ (2)	— „Ты гляди-ка на меня,
Во Парижъ городъ вступилъ (2),	— „Онъ похожъ вѣдь на меня,
У Француза въ гостяхъ былъ.	— „Личико сблекло,
Французъ его не узналъ,	— „Какъ у брата моего.
За кушца его встрѣчалъ (2).	— „Русы кудри-то мои,
За бѣлыя руки бралъ, (2)	— „Будто брателки родны.
Во палаты заводилъ, (2)	— „Походочка его,—
На кленовый стулъ садилъ, (2)	— „Будто брата моего.
Его милости просилъ.	— „А разговоры-то одни,
За убранный столъ сажалъ,	— „Будто матери родны“.
Рюмку рому наливалъ.	Тутъ французъ то сдогадался,
На подносѣ подносилъ,	За портреты-то хватался.
Его милости просилъ:	Платовъ изъ палатъ выходжалъ,
„Купецъ ты мой купецъ,	На добра коня сажалъ.
„Сыпъ купеческій сынокъ!	На добра коня садится,
„Выпей рюмку, выпей двѣ,	Самъ ругается:

— „Охъ ворона, ты ворона,
— „Французекій ты король!
— „Не умѣлъ ты ворона
— „Ясна сокола пмать (2),
— „Во бѣлыя руки брать (2),

— „Ясна сокола щипать (2),
— „Платова вора поимать“. —
Черну шляпу скидывалъ,
Поклонъ низкій отдавалъ (2)
Самъ на свое дѣло уѣзжалъ.

Записалъ онъ же Роговъ отъ крестьянина Тимофея Колпакова.

Платовъ казакъ.

Во простыхъ во сердцеъ
Словно Платовой вѣнецъ,
На головушку надѣнемъ,
Сами иѣсно заноемъ,
Какъ во арміи живемъ. —
Во арміи живали
Ни о чемъ горя не знали.
Нузь, картечъ
Некуда беречь.
Начали наши налить,
Стали ядра говорить.
Начиналъ французъ налить, —
Выше лѣсу дымъ валить.
Какое есть красное солнышко,
Не видно во дыму.
Только видно, чуть узнаешь
Какъ соколъ въ небѣ летаетъ;
Не ясенъ соколъ летаетъ,
Казакъ Платонъ разѣзжаетъ;
Онъ по горкѣ по горѣ,

Самъ на воропомъ конѣ.
Ирѣхалъ, прискакалъ,
Два словечушка сказалъ:
„Охъ вы вошны казаки,
„Вы удалы молодцы!
„Вы удалы молодцы,
„Пейте безъ мѣрушки вино;
„Получайте-ко разсчеты,
„Государеву казну“.
Что не пылъ въ полѣ пылить,
Не дубровушка шумить, —
Французъ съ арміей валить
Подваливаетъ.
Поближе генералъ подходилъ,
Генераламъ говорилъ:
„Господа вы генералы,
„Во погахъ васъ потончу,
„Въ камешу Москву зайду,
„Золоты кресты сойму.

Записалъ учитель Бураковского училища, Алексѣй Гурьевъ, со словъ крестьянки Судожскаго уѣзда, Устьмонискаго прихода (на р. Онегѣ) Авдотьи Шибалдиной.

Преданіе о Гусѣ-богатырѣ.

(Разсказъ крестьянки Варвары Гансевой).

Миѣ ужъ вотъ 80 годовъ теперь, а когда была маленька, --- слышала отъ покойнаго дѣдушка, что за 20 верстъ, вверхъ по рѣкѣ Соидѣ, есть ручей Гусинецъ, подлѣ котораго жилъ когда-то Гусѣ-богатырь. Подлѣ ручья,

текущаго въ лѣвую сторону р. Сойды, есть Гусева поляна, теперь сдѣлавшаяся боромъ, на которомъ растутъ огромныя сосны. Здѣсь еще видно мѣсто, гдѣ было Гусево жилище, но остаткамъ груди каменьева. Недалеко есть большой порогъ, внизъ по р. Сойдѣ. Въ этомъ мѣстѣ жилъ богатырь со своею семьею, которая состояла изъ жены, дочери и маленькаго сына. Въ давнія времена ходило по Руси много разбойниковъ. Одни изъ разбойниковъ съ своимъ атаманомъ послѣ грабежей и убійствъ, привыкли ходить въ это уединенное и сокрытое мѣсто для пристанца. Атаманъ хотѣлъ убить Гуся по любви къ его женѣ. Убить однакоже не могъ; не хватало силъ противъ богатыря. Разъ жена подпала своего мужа хмѣльными напгтками и стала спрашивать: „Скажи, дружокъ, чего-ни ужь ты боишей? Чего ни есть такое, отъ чего ты слабѣешь?“ Тогда Гусь сказать: „Боюсь я женскихъ волосъ; если хоть однимъ волосомъ обмотаешь мою руку, я не могу тронуться съ мѣста“. Тогда жена перевязала соннаго мужа своими волосами. Онъ проснулся и понялъ свою ошибку. А жена ужь спала въ виду мужа съ разбойничьимъ атаманомъ. Дѣти Гуся еще не спали. Дочь была старше, сынъ младше. Свѣча на столѣ горѣла. Гусь тогда велѣлъ дочери взять свѣчку и пережечь па рукахъ матери волосы. Дочь отвѣтила: „я какъ скажу на тебя молодому батюнкѣ, такъ онъ тебѣ задасть!“ Отецъ велѣлъ дочери замолчать. Когда дочь уснула, маленькому сыну, сидѣвшему на шесткѣ, стало жалъ отца, — онъ взялъ свѣчу и пережечь волосяную перевязку. Тогда отецъ вскочилъ съ нечи и тихонько подошелъ къ банѣ, въ которой спало 40 разбойниковъ. Онъ выдернулъ балнну матицу и свалившимся потолкомъ убилъ 40 разбойниковъ. Самъ же пошелъ и легъ на нечь по старому. Атаманъ проснулся утромъ и спрашиваетъ у Гуся: „Каковъ ты сонъ видѣлъ?“ Гусь отвѣчалъ: „Поставилъ я во снѣ слонецъ (насть, кляпцы), въ которой понало 40 тетеревей; одинъ еще ходитъ и тому не мновать“. Атаманъ понялъ въ чемъ дѣло, сталъ ругать Гуся. А Гусь схватилъ палицу и заразъ снесъ ему голову. — Жису и доч-

ку связать вмѣстѣ снѣгами и спустилъ на плоту съ рѣчнаго порога внизъ по р. Сойдѣ. Они пропали безъ вѣсти. Самъ Гусь съ сыномъ переселился въ Каргополь и вскорѣ умеръ. А сынъ его уже давнымъ давно писалъ изъ Питера къ Ухтозерскимъ крестьянамъ, чтобы они искали на Гусевой полянѣ богатство, покрытое сверху камнями и бороной. Ухтозеры искали этого блата, но нашли только буски какой-то истлѣвшей матеріи.

Записалъ учитель Сойдинск. училища Константинъ Маклюновъ.

О ятевых и ижевых глаголах

Примѣта ятевых глаголовъ есть въ монофтонговѣши — это ясно изъ того, что у корней на гортанные она перешла въ *я*: ожестоудити — ожестоудяеши, овѣнжати — овѣнжяеши, ветъшати — ветъшяеши; крнѹтити — крнѹтнши, бѣжати — бѣжнши, слышати — слышнши ²⁾). Поэтому ятевые глаголы должны быть отождествляемы съ литовскими на *ėti*: лит. *sedėti* нпр. вполне соответствуетъ славянскому *сѣдѣти*: такое тожество уже и отмѣчено Шлейхером ³⁾. У Шлейхера однако нѣтъ указанія на связь славянскихъ и литовскихъ формъ съ греческими и латинскими, какъ *ἐ-φίλη-σα*, *sedē-re*, хотя эта связь не подлежитъ сомнѣнiю (говорю о ближайшей связи: отдаленную признаетъ и Шлейхер) ⁴⁾.

¹⁾ Основнымъ глаголамъ, по входящимъ въ составъ ихъ примѣтамъ, можно присвоить слѣдующія названія: *эновые* глаголы (*двигнѣти — двигнѣши*), *ятевые сходнотемные* (*жельѣти — жельѣши*), *ижевые* (*любити — любнши*), *ятевые разнотемные* или *ижевойтевые* (*горѣти — горнши*), *азовые* (*дѣлати — дѣляеши*), *ужовые* (*коуповати — коупоуеши*); глаголы I-го Миклошичева разряда будутъ *безпримѣтными*, *вѣрѣти — верешн* и т. п. можно назвать *азовобезпримѣтными*. Пастоящія въ родѣ *играеши*, *трепештеши*, представляющія явный или скрытый *я*, я называю *іотовыми*, при чемъ, на основаніи обѣихъ темъ, *трешетати — трешештеши* можетъ быть названо глаголомъ *азовойіотовымъ*.

²⁾ Срв. статью О звуковомъ значеніи *ѣ*. Грамм. зам. I, 44 (=Р. Ф. В. VI, 14), пр. 2.

³⁾ Compendium, 4 Aufl., S. 351.

⁴⁾ Основа *sedē* даже прямо равна слав. *сѣдѣ*, лит. *sedė*, только, что долгота корня, первоначально свойственная лишь нѣкоторымъ формамъ (перфектъ *sėdi*), у Славянъ и Литовцевъ про-